Наталья Галеткина*

Категоризация и репрезентация столыпинских переселенцев (на примере двух переселенческих групп)

В современном языке, который принимающее общество использует для описания мигрантов, зачастую на первый план выходят этнические категории. Независимо от целей, мотивации и других специфических характеристик переселенческих групп, именно этническое происхождение становится основным маркером, как для представителей официальных властей, так и для рядового обывателя. Но всегда ли подобная рамка определяла восприятие и репрезентацию мигрантов? Интересно посмотреть, как обстояло дело в иную историческую эпоху, а именно в период реализации столыпинской аграрной реформы, составной частью которой была организация переселения на восточные окраины Российской империи. Какие категории использовались в официальном бюрократическом языке относительно «столыпинских» переселенцев начала XX века, в каком качестве воспринимали их соседи-старожилы? Как, наконец, сами мигранты репрезентировали себя окружающему социуму, превращаясь из массы разрозненных семей в сплоченное локальное сообщество?

Эти вопросы рассматриваются на примере двух переселенческих групп, появившихся в Иркутской губернии в 1910 году. Одна из них прибыла с территории бывшего Царства Польского и, поселившись на Трубачеевском участке, основала деревню Вершина (сегодня она относится к Боханскому району Иркутской области). Члены другой группы, выходцы преимущественно из Волынской и Гродненской губерний, обосновались на Пихтинском переселенческом участке, где основали несколько поселений, которые сегодня называются Пихтинск, Средний Пихтинск, Дагник и относятся к Заларинскому району Иркутской области.

В основе мотивации переселенцев лежало стремление улучшить свое экономическое положение за счет «вольных земель» Сибири. Сыграли роль и активная пропаганда переселения, развернувшаяся в эти годы, и льготы, которые предоставляло государство (право на покупку железнодорожного билета по дешевому тарифу, освобождение от воинской повинности, льготное налогообложение, безвозвратные ссуды в 100-250 рублей). Но самое главное – переселенцы бесплатно получали в пользование

* Галеткина Наталья Геннадьевна, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры прикладной политологии Санкт-Петербургского филиала Национального Исследовательского Университета «Высшая школа экономики».

земельный надел, величина которого в среднем равнялась 15 десятинам на 1 мужскую душу[1].

Переселенческие участки образовывались из земель колонизационного фонда, который был сформирован в ходе землеустроительных работ 1890-1900-х годов. Вся территория Иркутской губернии была поделена в связи с этим на переселенческие районы и подрайоны[2]. Возглавлявшие их чиновники должны были утверждать границы сформированных участков, определять категорию сложности каждого из них, исходя из природно-климатических условий, и в зависимости от этого планировать размер помощи будущим поселенцам. После этого наступала следующая стадия: осмотр участка ходоками – доверенными лицами, представлявшими интересы группы семей, решившихся на переселение. Получив от чиновника карты и маршруты, ходоки осматривали предлагаемые им участки и либо записывали понравившиеся земельные наделы за своими доверителями либо продолжали осмотр далее. Только после этого наступал этап собственно переселения и обустройства людей на записанных за ними землях[3].

Рассмотрим, как происходил этот процесс в каждом из двух рассматриваемых случаев.

Вершининцы

Переселенческий участок, на котором в 1910 г. возникла деревня Вершинино (позднее Вершина), был образован в 1908 г. и первоначально назывался Яматским, а затем Трубачеевским. Он находился в Осинской волости Балаганского уезда и относился к Кутуликскому переселенческому подрайону[4].

Еще на стадии образования участка между чиновниками-землеустроителями и жившими здесь бурятами возник конфликт. Суть его заключалась в разном понимании того, какое количество земли необходимо оставлять в пользовании старожилов. Чиновники полагали, что поскольку процесс перехода местных бурят от скотоводства к земледелию зашел довольно далеко, то обширные летние пастбища, необходимые им в прошлом, уже не имеют прежнего значения, а потому должны быть включены в колонизационный фонд. Буряты же, привыкшие к экстенсивному ведению хозяйства, вовсе не считали эти земли «излишками» и протестовали против подобного решения.

[1] 1 десятина = 1, 092 га
[2] Государственный архив Иркутской области (далее ГАИО), ф. 171, оп. 1, д. 256
[3] Хотя зачастую эта схема давала сбой, когда, например, приехавшие на участок переселенцы оказывались недовольными условиями и просили разрешения искать другой участок. Или же когда они не приезжали на участок вовсе, вероятно, найдя для себя более подходящие земли в другом месте. О плюсах и минусах ходачества писалось в каждом годовом отчете переселенческих чиновников о водворении переселенцев (см. например, ГАИО, ф. 171, оп. 1, д. 195).
[4] ГАИО, ф. Р-6, оп.1, д.1а, л.36об.-37

Несмотря на протесты и жалобы, к 1909 г. границы Трубачеевского переселенческого участка были окончательно утверждены и включали в себя 164 десятины, находившиеся до этого в пользовании бурят Укырского инородческого ведомства[5]. Таким образом, еще до появления переселенцев были созданы предпосылки для враждебного к ним отношения со стороны старожильческого населения.

Первые переселенческие семьи прибыли на Трубачеевский участок летом 1910 г., а к концу года здесь насчитывалось уже 59 дворов, в которых проживало 328 человек[6]. К началу 1912 г. число жителей деревни выросло до 400 человек[7]. В дальнейшем население Вершины росло незначительно, таким образом, основная часть переселенцев прибыла на участок в 1910-1911 годах.

Основатели Вершины были выходцами из Малопольши (исторического региона Польши). Деревни, в которых они жили, относились к Келецкой, Петроковской и Радомской губерниям Царства Польского[8]. В интервью, записанном в 1994 г., старейшая на тот момент вершининская жительница Магдалена Юзефовна Мычка, приехавшая с родителями в Сибирь в 11-летнем возрасте, вспоминала: «*Наши поляки не с одной губернии уезжали, а с разных мест наехали. В Сибири, на Вершине познакомились. Из нашей деревни вот только Петшики были, одна семья только, трое человек. А другие – с других. Знакомых здесь не было*»[9]. То есть, до переселения в Сибирь будущие жители Вершины не представляли собой единой группы, скрепленной социальными связями, будь то родственными, дружескими или экономическими.

Архивные материалы дают довольно скудную информацию о том, как воспринимали вершининских поселенцев те люди, которые вступали с ними во взаимодействие - чиновники, старожилы, поселенцы других переселенческих участков. Тем не менее, попытаемся проанализировать имеющийся материал с точки зрения того, какие категории используются в них для описания жителей Вершины, и какой образ группы возникает при этом.

Прямые характеристики интересующей нас группы встречаются в ежегодных отчетах чиновников переселенческого ведомства, а также в переписке католических

---

[5] ГАИО, ф.171, оп.5, д.200, л.10

[6] ГАИО, ф. Р-6, оп.1, д.1а, л.36-37

[7] Это – округленная цифра, поскольку в архивных документах, даже исходящих из одного и того же источника, присутствуют некоторые расхождения. РГИА, ф. 826, оп. 1, д. 1799, л.73об., 75об

[8] Figura L. Historia i terazniejszość polskiej syberyjskiej wsi // Wierszyna z bliska i z oddali: Obrazy polskiej wsi na Syberii / Pod red. Ewy Nowickiej i Małgorzaty Głowackiej-Grajper. Kraków: NOMOS, 2003. S.75-76; Tomczyk K. Dzieje wsi Czubrowice. Kraków: Drukarnia Koleiowa Krakow Sp.z.o.o., 2002. S.140; Шостак Я. Эпитафия жителям польской деревни Вершина в Иркутской области, погибшим в результате репрессий НКВД в 1938 г. // Сибирско-польская история и современность: актуальные вопросы: Сборник материалов межд. науч. конференции (Иркутск, 11-15 сентября 2001 г.) / Ред. Б.С.Шостакович и др. Иркутск, 2001. С.144-147.

[9] Архив автора, полевая фонограмма (далее ПФ)-4-1994.

священников. Чиновники рассматривают вершининцев, прежде всего, в общем контексте переселенческой политики. Они определяют, к какому типу поселенцев их следует отнести с точки зрения экономического положения, и какие действия в связи с этим рекомендуется предпринять (каков должен быть размер индивидуальной ссуды, давать ли ссуду на общественные нужды и если да, то на каких условиях и пр.). Своеобразие именно этой группы переселенцев описывается ими через употребление нескольких категорий, среди которых есть этнические (*«поляки»*), историко-географические (*«выходцы из Привисленского края», «выходцы из Келецкой и Петроковской губерний»*), экономические (*«бедные», «не имеющие достаточных средств», «горнорабочие»*), конфессиональные (*«переселенцы-католики»*).

Так, например, заведующий Кутуликским переселенческим подрайоном Иркутской губернии Л. Кременер пишет в отчете за 1910 г.: *«Едва ли когда-либо устроится без особой помощи большинство поляков, выходцев горнопромышленного района, не имеющих ни средств, ни сельскохозяйственных навыков»* [10].

Как переселенцы, имеющие мало шансов для адаптации без посторонней помощи, вершининцы предстают и в отчете иркутского католического священника П. П. Бульвича за 1911 год. При этом он пользуется практически теми же самыми категориями, характеризуя их с точки зрения района выхода (*«переселенцы из губерний Царства Польского, преимущественно, если не исключительно, из Келецкой и Петроковской губерний»*), профессионально-сословной принадлежности (*«крестьяне, занимавшиеся горнозаводской деятельностью»*), экономической состоятельности. Конечно, для него это в первую очередь поляки-католики, относящиеся к иркутскому римско-католическому приходу.

«Для удовлетворения насущных духовных потребностей означенных переселенцев или “выходцев из Привисленского края”, как некоторые из “власть имущих” выражаются, - пишет П.П. Бульвич, - *является необходимым, в первую очередь, постройка костела и школы в Вершинине <…>. Устройство костела и школы вершининцам и потому крайне необходимо в самом непродолжительном времени, что они:*

1-mo[11]*, заняли самый неподходящий для земледелия участок, годный разве как запасный, состоящий из высоких крутых хребтов.*

2-do, не имеют никакого подспорья, например, в продаже леса на шпалы, гонке смолы и дегтя и т.п.

---

[10] ГАИО, ф. 171, оп. 1, д. 195, л. 366

[11] 1-mo – во-первых, 2-do – во-вторых, 3-io – в-третьих

3-іо, проголодав зиму прошлого года, будут голодать и настоящую, а то и на засеменение распаханных клочков не всем хватит. Выдача им полностью суммы на устройство школы, частью же и на костел, могла бы их поставить на ноги». Затем следует интересный пассаж, относящийся к вопросу отношений рассматриваемой группы со старожильческим населением. *«Про вершининских переселенцев говорят соседи: “должно быть плохо живется, если красть начинают”. И действительно, был случай, когда один из вершининцев <…> судился за кражу у бурята двух хлебов и был оправдан, хотя в краже сознался: “очень уж голод поприжал, продать нечего, всё распродано, а буряты, пользуясь случаем, эксплуатируют безсовестно”»*[12].

Наряду с образом бедствующих, малоприспособленных к сибирским условиям переселенцев в архивных документах можно увидеть и иную картину, где вершининцы предстают как сплоченное организованное сообщество. Уже к осени 1910 г. они образовали «Вершининское сельское общество»[13], а в ноябре того же года на общем сельском сходе решили ходатайствовать перед властями о выдаче им «*безвозвратного пособия от казны в 3 тысячи рублей*» на строительство начальной школы или, как его называли, одноклассного министерского училища[14]. Спустя два года начальная школа с преподаванием на польском языке была открыта.

Одновременно с постройкой школы Вершининское сельское общество занималось вопросом возведения в деревне католического храма, в связи с чем также обратилось за помощью к государству. Процитируем Общественный приговор Вершининского сельского схода для иллюстрации того, как репрезентировали себя члены рассматриваемой группы.

«1911 г. Декабря 23 дня мы, нижеподписавшиеся, крестьяне Балаганского уезда, Осинской волости, Вершининского сельского общества, в коем значится 70 домохозяев, имеющих право участвовать в сходах, быв собраны по распоряжению нашего Сельского Старосты Пыжа на мирской сельский сход <…> имели суждение, что мы и семьи наши имеют большую нужду в религиозной потребности, так, например, дети родятся и остаются не крещеными, умирают без отпевания, в большие праздники взрослые желали бы излить свои накопившиеся духовные потребности в храме, но такового нет. По обсуждении этого вопроса, мы, на основании Высочайше утвержденного 19 апреля 1909

---

[12] РГИА, ф. 826, оп. 1, д. 1799, лл.73-74

[13] Сельское общество было формой местного самоуправления и структурой, через которую осуществлялось взаимодействие с властями. Оно состояло из самостоятельных, имеющих право голоса, домохозяев, которые на общем сельском сходе решали насущные для деревенского сообщества вопросы (приход и расход общих денежных средств, строительство общественных зданий и пр.). «Общественный приговор» был формой выражения этих решений. Во главе сельского общества стоял местный выборный администратор - сельский староста.

[14] ГАИО, ф.171, оп.1, д.43, л.1-4

г. закона о порядке выдачи ссуд на общеполезные надобности переселенцев, обращаемся к Его Высокоблагородию, Господину Заведующему Кутуликским подрайоном с просьбой исходатайствовать нам безвозвратную ссуду на постройку «Каплицы»[15] *в размере 3000 рублей»*[16].

Решение вопроса о строительстве храма затянулось, несмотря на положительный отзыв заведующего переселенческим районом, признававшим, что *«сооружение храма вызывается насущною нуждою в удовлетворении религиозных потребностей исключительно католического населения участка»*[17]. В РГИА хранится переписка, которая велась по этому вопросу между различными чиновниками и церковными иерархами на протяжении нескольких лет. Не вдаваясь в ее детали, скажем только, что непосредственное строительство храма началось лишь в 1914 г., а завершилось к маю 1915 г. Известно, что освящение костела во имя Святого Станислава в деревне Вершина было назначено на 15 мая 1915 г[18].

Следует упомянуть еще о двух документах 1910 г., интересных тем, что не только показывают вершининцев как организованное сообщество, но свидетельствуют о возникшей кооперации между ними и жителями соседних переселенческих деревень. Это Общественные приговоры доверенных от четырех сельских обществ, возникших на переселенческих участках Благодатном, Тальяновском, Козаковском и Трубачеевском. В первом документе речь идет о фельдшерском пункте и аптеке, во втором – о содержании писаря. В обоих случаях представители сельских обществ, собравшись на общий сход, решают объединить усилия. *«Находя неудобным существующий ныне порядок иметь медикаменты в каждом участке порознь, мы пришли к заключению, что для нас <…> будет наиболее удобным и выгодным соединиться в общий медицинский пункт <…> в селе Верхне-Идинском»*[19]. Точно так же они решают сообща содержать одного грамотного писаря, *«так как местные писари не удовлетворяют своему назначению по безграмотству, а содержать хорошо грамотного писаря на каждое общество наши доверители не имеют средств»*[20].

Известно, что на одном из упомянутых участков, а именно на Козаковском, жило шесть семей польских переселенцев[21]. Также здесь обосновались выходцы из центральной и южной России. Тальяновский и Благодатный участки упоминаются как места поселения

---

[15] От польского kaplica – часовня.
[16] Российский государственный исторический архив (далее РГИА), ф.391, оп.3, д.1812, л.77-78
[17] РГИА, ф.391, оп.3, д.1812, л.75
[18] РГИА, ф.826, оп.1, д.2066, л.10
[19] Национальный архив Республики Бурятии (далее НАРБ), ф.201, оп.1, д.22, л.23, 23об.
[20] НАРБ, ф.201, оп.1, д.22, л.5.
[21] РГИА, ф.826, оп.1, д.1799, л.75об.

православных переселенцев из Полтавской, Черниговской, Витебской губерний. Несмотря на конфессиональные различия можно говорить о том, что культурная дистанция между ними и вершининскими поляками была не так велика, как в случае с соседями-бурятами. Кроме того, их всех объединял статус переселенца и условия жизни в новом окружении. Вряд ли соседи-переселенцы выступали в роли «значимых чужих», в сравнении с которыми вершининцы ощущали себя как «мы-группа». Скорее всего, таковыми являлись старожилы-буряты, жители близлежащих улусов Нашата, Хонзой, Тодобол и Дундай. Именно они в наибольшей степени определяли тот фон, на котором шло формирование внутригрупповой солидарности поселенцев Вершины.

На первых порах отношения переселенцев и старожилов характеризовались, скорее, взаимным неприятием. Степень отчужденности была так велика, что в сознании людей по отношению к представителям «чужой» группы возникали довольно специфические предубеждения. Иллюстрацией тому может служить фрагмент из интервью 1994 г. с жительницей Дундая, бурятки по происхождению, где она пересказывает эпизод, слышанный ею от своего свёкра. Дело происходило в первый год пребывания поляков на Трубачеевском участке, когда те еще не успели построить дома и жили в землянках, вырытых в склоне горы. Буряты поехали к полякам, чтобы обменять мясо на картошку. Переселенцы же, завидев подъезжающих на конях бурят, «забились» в свои землянки, *«потому что так получилось, что кто-то им сказал, будто буряты – людоеды»* (ж, 1941, ПФ1-94)[22]. В другом интервью, записанном с жительницей Вершины, упоминалось также и о страхе, который испытывали буряты по отношению к полякам: *«Поляки мельницу построили – буряты боялись подходить»* (ж, 1929, ПФ1-94). Существовали неофициальные, но четкие границы для выпаса скота. Не раз приходилось слышать от польских информантов рассказы о том, как буряты не давали собирать полякам ягоду в «их» лесу, как напоминали о том, что те приехали на «их бурятскую землю».

Однако отношения переселенцев и старожилов не сводились к подобным эпизодам: на фоне острой эмоциональной напряженности все-таки существовали и разнообразные формы взаимовыгодных отношений, выраставшие из объективной потребности друг в друге. Не зная местного климата, не имея достаточного количества пашни (участок надо было еще расчищать от леса), поляки не могли сразу же получить хорошие урожаи. Поэтому они обращались к местным бурятам за продуктами, за посевным зерном. Взамен более состоятельные поселенцы предлагали деньги; чаще же всего расчеты были

[22] В скобках после цитаты из интервью через запятую указывается пол, возраст информанта, номер полевой фонограммы и год записи.

натуральными. Семьи, в которых имелись свои мастера (бондари, кузнецы), несли в обмен на продукты изделия собственного производства (ж, 1935, ПФ2-94). Те, у кого не было такой возможности, меняли картошку. Вскоре после переселения наиболее состоятельные польские семьи поставили на речке мельницы и пилорамы, которыми со временем стали пользоваться и буряты из близлежащих улусов. Хозяину мельницы с мешка смолотого зерна отдавалась лопата муки, с распиленных бревен – часть досок.

Таким образом, суровые условия жизни подталкивали обе группы к сотрудничеству, а элементы хозяйственной специализации способствовали росту натурального обмена.

Пихтинцы

Пихтинский переселенческий участок был образован в 1907 г. в Тагнинской волости Балаганского уезда и относился к Око-Тагнинскому переселенческому подрайону[23]. Конфликтов со старожилами, подобных тем, что сопровождали образование Трубачеевского участка, здесь не возникало, поскольку Пихтинский участок включал в себя только свободные казенные земли и не затрагивал традиционного землепользования старожилов. В непосредственной близости от Пихтинска, на расстоянии 10 верст от него, находилось лишь одно старожильческое поселение - русская деревня Хор-Тагна. Остальные населенные пункты, располагавшиеся в радиусе 5-20 верст, были основаны такими же «столыпинскими» переселенцами, приехавшими одновременно с пихтинцами в 1910-1913 гг. В этническом отношении это были русские, украинцы, белорусы и татары.

Заселение Пихтинского участка шло поэтапно на протяжении нескольких лет. Первые шесть семей прибыли весной 1911 года[24], следующая переселенческая партия появилась на участке год спустя, и к сентябрю 1912 г. здесь проживало 248 человек[25]. На протяжении последующих нескольких лет число поселенцев продолжало расти, но уже менее быстрыми темпами. Всего на Пихтинском участке в 1911-1913 гг. обосновалось примерно 300 человек.

Преобладающая их часть приехала из Гущанской волости Владимир-Волынского уезда Волынской губернии и Домачевской волости Брестского уезда Гродненской губернии. Здесь находились поселения, обозначаемые в документах как «колонии»[26], жители которых были последователями евангелическо-лютеранской веры и относились к

[23] ГАИО, ф. 171, оп.5, д.235, лл. 27-28
[24] ГАИО, ф. 171, оп. 5, д. 235, л. 133
[25] ГАИО, ф. 171, оп. 1, д. 401, л. 1; ф. 171, оп. 1, д. 53, л. 14.
[26] Перечисляются следующие колонии: Забужские Голендры, Свержовские (или Свежевские) Голендры, Замостече (или Самостече), Новины - в Волынской губернии; Нейбров и Нейдорф - в Гродненской губернии. ГАИО, ф. 789, оп. 3, д. 4, 5.

Курляндскому консисториальному округу[27]. Будущих основателей Пихтинска связывали родственные и дружеские отношения, а также объединяли институциональные связи и общие практики, сложившиеся на прежней родине (встречи на общих богослужениях, строительство и ремонт церковного здания, обмены визитами по случаю свадеб, похорон и т.п.). Все это способствовало быстрому складыванию нового локального сообщества на новом месте поселения.

Анализ архивных документов показывает, что представителей власти в первую очередь интересовал экономический потенциал прибывающих переселенцев. В отчетах чиновников переселенческого ведомства общие сведения о количестве водворенных на участке сопровождаются информацией об их имущественном положении. Так, в ведомостях имущественного обследования все население участка подразделяется на три категории: «работоспособное население» (люди в возрасте от 16 до 60 лет), дети и старики[28]. Подробно перечисляется количество имеющихся в каждом хозяйстве лошадей, телег, скота, птиц, построек. Что же касается этнических характеристик, то они в данных документах не встречаются.

Вопрос о происхождении пихтинцев опосредованно возникает лишь в письме иркутского лютеранского пастора Вальдемара Сиббуля, который посетил Пихтинский участок летом 1912 г. Впрочем, и в его характеристике присутствует оценка «полезности» переселенцев, что возможно было продиктовано стремлением склонить в пользу последних крестьянского начальника, которому адресовалось послание. В. Сиббуль пишет: *«Познакомившись на месте с бытом переселенцев – лютеран, позволю себе поделиться своим впечатлением. Народ трудолюбивый, молодой, благочестивый и знающий рациональную обработку земли – но бедный. Я думаю, что они составляют элемент вполне полезный для нашей губернии. <…> На прежней родине их звали официально Свебужскими, Нейбровскими и Нейдорфскими голлендрами – имя, с которым они свыклись и которое им нравится. Поэтому я просил бы присвоить занимаемой ими новой родине имя: Пихтинские Голлендры.*

При посещении моих новых прихожан сказывался недостаток достаточно просторного помещения, приспособленного для богослужения, соответствующего столь большому числу прихожан, которые также и в мое отсутствие по воскресным дням собираются для чтения проповедей и пения церковных песен. В виду вышеизложенного обращаюсь к Вам, Милостивый Государь, с покорнейшей просьбой пойти навстречу назревшим духовным нуждам населения доверенного Вам участка, то есть деревни

[27] РГИА, ф. 828, оп. 13, д. 529, лл. 200об.-201.
[28] ГАИО, ф. 171, оп.1, д. 53, л.14; ГАИО, ф. 171, оп. 1, д. 53, л. 13

Пихтинские Голлендры и содействовать постройке молитвенного дома, который скрасит жизнь теперешним труженикам и вновь прибывающим»[29].

Предложение пастора Сиббуля о переименовании участка не нашло отклика у официальных властей, и больше каких-либо комментариев на эту тему в архивных документах не встречалось. Трудно сказать, было ли чиновникам вообще знакомо это слово, упоминаемое пастором как официальное наименование группы. В Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона по этому поводу можно прочесть следующее: «Голендры – в Гродненской губернии под этим названием известны потомки голландцев, поселившихся здесь, вероятно в XIII веке. В настоящее время, в Брестском уезде, существует близ местечка Влодавы только две колонии их – Нейбров и Нейдорф, население которых, забыв свой природный язык, говорит на местном наречии, с примесью польских слов»[30].

Неизвестно, совпадало ли это толкование с тем содержанием, которое вкладывал в слово «голлендры» лютеранский пастор. За неимением прямых свидетельств, невозможно с определенностью говорить и о том, как понимали его сами поселенцы. В интервью со старейшими жителями Пихтинска, записанных в 1994 г., это слово (чаще всего в форме «олендры») встречается в двух значениях: как этноним и как топоним.

«Вот голендры-то наши и назывались. Наши деды все голендры. А там были поляки какие-то уже отдельно, немцы. А наши, вот эти, которые приехали, да и остались там много – голендры» (м, 1914, ПФ2-94).

«Вообще олендры – это деревня такая. На олендрах жили – так мать называла» (м, 1919, ПФ2-94).

*«Олендры-то – нам так и говорили. А что они, эти олендры, означают? Или это нация какая олендры, или это деревня такая. Те, кто здесь сейчас, так они и не знают ничего. То, что пихтинские, а больше ничего, они даже и не слышали про это. Я-то хоть все-таки немного от стариков слышала» (*ж, 1920, ПФ3-94).

Если говорить о «голендрах» как о термине, принятом в кругу современных историков-полонистов, то под ним понимается «одна из социальных категорий польского крестьянства, исторически сложившихся в эпоху позднего средневековья»[31]. Его этимология связана с переселенцами – колонистами из Северной Германии, Голландии и Фрисландии, которые в XVI в. осваивали заболоченные земли на польском побережье

[29] ГАИО, ф.171, оп.1, д. 401, л..1-1об.
[30] Словарь Брокгауза и Ефрона. Санкт-Петербург, 1893. т.17, с.42
[31] Шостакович Б. Голендры: этимология термина и понятия // Тальцы. 2004. №4. С. 24.

Балтики, в долинах рек Висла, Ногат, Варта и Нотеца[32]. Благодаря своим мелиоративным навыкам они были благосклонно приняты местными землевладельцами, которые предоставляли им земельные участки на льготных условиях. Постепенно в группу вливались колонисты польского происхождения, а слово «голендры» или «олендры», (происходящее от польского Holendrzy – голландцы), в большей степени применялось для обозначения не этнического сообщества, а группы польских крестьян, которые имели особый социально-правовой статус[33]. Среди голендров преобладали последователи протестантских течений, в частности, евангелическо-лютеранского и менонитского[34].

В XVII – XVIII вв. «олендерские» поселения возникают и в других регионах Речи Посполитой, в том числе на землях вдоль Западного Буга и на Волыни. Здесь за ними закрепляется название «бужские голендры» (Bużskie \ Bużańskie Holendrzy в польском языке, Bugholländer – в немецком). Территория, на которой располагались эти колонии, после третьего раздела Польши вошла в состав Российской империи. Таким образом, бужские голендры оказались российскими подданными, и в 1910-х гг. небольшая их часть в качестве «столыпинских» переселенцев появилась в Иркутской губернии.

Вернемся к письму пастора Сиббуля о «пихтинских голлендрах». Ходатайство пастора о казенном пособии для строительства церковного здания на Пихтинском участке было поддержано властями. «*Если переселенцы лютеране Пихтинского участка имеют твердое намерение осесть на участке, то мною будет поддержано ходатайство их о безвозвратном пособии на постройку молитвенного дома*»[35], - такую резолюцию дал заведующий переселением в Иркутскую губернию Иконников. Вслед за этим последовала длительная бюрократическая переписка, которая лишь к 1914 г. завершилась положительным решением. Однако реальных денег пихтинцы так и не получили, поскольку из-за начавшейся вскоре мировой войны все выплаты по ссудам и пособиям были заморожены. Впрочем, пихтинские поселенцы на этом пособии и не настаивали. Инициатива пастора не была подкреплена с их стороны ходатайством, изложенным в Общественном приговоре (в отличие от подобной ситуации с вершининцами).

---

[32] Освоение так называемых Вислинских Жулавов началось еще при крестоносцах в конце XIII в. Вероятно, поэтому в статье словаря Брокгауза и Ефрона фигурирует XIII век. Однако, начало именно «олендерской» колонизации этого региона относится к XVI в., а появление «олендерских» колоний на Западном Буге – к началу XVII в.

[33] Шостакович Б., указ. соч. С. 24 -26.

[34] Marchlewski W. Mennonici w Polsce (o Powstaniu Społeczności Mennonitów Wymyśla Nowego) // Etnografia Polska. 1986. t.XXX, z. 2, s. 129-146.

[35] ГАИО, ф. 171, оп. 1, д. 401, л. 2об.

Обнаруженные Общественные приговоры Пихтинского сельского общества касаются лишь строительства на участке начальной школы[36]. В них поселенцы просят оплатить из казны половину сметных расходов на возведение школы и подсобных помещений при ней[37]. Они пишут: *«Мы, нижеподписавшиеся, крестьяне из переселенцев Пихтинского участка Пихтинского сельского общества Тагнинской волости Балаганского уезда Иркутской губернии, собравшись сего числа на сельских сход <…> имели суждение, что <…> как недавно прибывшие из России на переселение, еще недостаточно окрепли на новых местах, чтобы могли ассигновать из своих средств недостающую сумму на постройку училища и зданий»*[38].

Общественные Приговоры являются единственным видом архивных документов, имеющихся в нашем распоряжении за этот период времени, которые исходят непосредственно от членов рассматриваемой группы. Несмотря на стандартную форму, они дают некоторую информацию о репрезентации группы в контексте взаимодействия с властями. Мы видим, что в данном случае участники сельского схода, представляя себя как членов некоего сообщества, дают указание на сословную принадлежность («*крестьяне*», с уточнением «*из переселенцев*») и на территориально-административную приписку (участок, волость, уезд, губерния). Место выхода группы обозначено очень абстрактно – «из России», что в данном случае говорит о важности противопоставления «Россия vs Сибирь». Ни этнические, ни конфессиональные характеристики здесь не упоминаются.

Если сравнить этот документ с процитированным ранее Общественным приговором Вершининского сельского общества по вопросу строительства в Вершине каплицы, то можно видеть некоторые различия. Вершининцы подчеркивают свою религиозность и довольно эмоционально описывают испытываемые ими трудности из-за отсутствия на участке католического храма, то есть репрезентируют, прежде всего, свою конфессиональную идентичность. Вполне вероятно, что пихтинцы также прибегли бы к подобной риторике, если бы обратились к властям за помощью в строительстве молитвенного дома. Тот факт, что они этой помощи не попросили, может

[36] В этом они не отличались ни от вершининцев, ни от многих других переселенцев, просивших и получавших деньги в первую очередь на строительство начальных училищ из средств Министерства Народного Просвещения. Как следует из отчета начальника Иркутского переселенческого района за 1912 год, подавляющая часть всей суммы казенных пособий была выдана как раз на строительство начальных училищ (ГАИО, ф. 171, оп. 5, д. 202, л. 102). Для этой цели в бюджете МНП предусматривались специальные средства - ГАИО, ф. 171, оп. 5, д. 202, л. 116.
[37] Все упоминаемые здесь Общественные приговоры находятся в ГАИО, ф. 171, оп. 1, д. 53.
[38] Там же, л. 11.

свидетельствовать как о степени их религиозности, так и о меньшей значимости для них специального молитвенного помещения[39].

Во время полевых исследований в Пихтинске не раз приходилось слышать от местных жителей о том, что их предков по приезде в Сибирь «неправильно записали немцами». Однако анализ архивных данных не подтверждает факта такой записи. В отчетах о переселении и в служебной переписке члены рассматриваемой группы характеризуются как «*крестьяне-переселенцы*», как «*переселенцы лютеране*», как «*выходцы из Волынской и Гродненской губерний*», как «*поселенцы Пихтинского участка Тагнинской волости Иркутской губернии*» и «*члены Пихтинского сельского общества*». Категории, указывающие на их этническую принадлежность, в этих материалах не встречаются (в отличие от ситуации с Вершиной).

В старых метриках дореволюционного периода, сохранившихся в некоторых семьях жителей Пихтинска, упоминается место рождения ребенка, сословная принадлежность и евангелическо-лютеранское исповедание его родителей. Записи о рождении, браках и смерти пихтинских жителей были обнаружены также в метрических книгах Иркутского Евангелическо-Лютеранского прихода[40]. Их вносил туда губернский пастор после того, как раз в год или полгода посещал Пихтинский участок и подтверждал обряды, совершенные в его отсутствие местными религиозными лидерами, избиравшимися односельчанами из своей среды. Бланк метрической книги предусматривал фиксацию следующих характеристик: «Имя, фамилия, звание и чин, или ремесло» умершего / родителей умершего (если умер ребенок) / родителей и крестных родителей новорожденного / венчающихся. Применительно к поселенцам Пихтинского участка «звание и чин» означали принадлежность к крестьянскому сословию. Чаще всего они описываются в этом блоке документов как «*крестьяне Тагнинской волости Иркутской губернии евангелическо-лютеранского исповедания*». То есть опять же перечисляются сословные, конфессиональные и административно-территориальные характеристики. В метрических записях, относящихся к 1918-1919 гг., указание на сословную принадлежность заменяется уравнивающим всех наименованием «*граждане*» либо же «*гражданин/гражданка из крестьян*».

О каких-либо внешних вызовах, которые бы актуализировали этническую составляющую групповой идентичности, в это время говорить не приходится. Если и существовали основания для идентификации жителей Пихтинска как «немцев», то на тот

[39] В отличие от вершининцев, нуждавшихся в специальном церковном здании, пихтинские лютеране сразу стали собираться на богослужения в одном из жилых домов. Эта практика сохраняется в Пихтинске и по сей день.
[40] ГАИО, ф. 789, оп. 3, д. 3, 4, 5.

момент времени это никак не отражалось на судьбе группы. Первая мировая война затруднила коммуникацию с теми, кто остался на прежней родине, но она не внесла радикальных изменений в отношения с новым социальным окружением. Многих пихтинцев, так же как и жителей соседних деревень, в 1914 г. мобилизовали в армию и отправили на фронт. Нет никаких свидетельств того, что усилившиеся в это время в российском обществе германофобские настроения, «борьба с немецким засильем» и ужесточение контроля за немецкими колонистами[41] каким-либо образом затронули жителей Пихтинска.

Выводы из сравнения двух ситуаций

Рассматриваемые группы прибыли в Иркутскую губернию в ходе осуществления столыпинской аграрной реформы. Обстоятельства переселения – мотивация решения, схема движения, время заселения участка – в обоих случаях были очень похожи. Различия касались социального окружения, в котором оказались переселенцы по приезде, и изначального уровня внутригрупповой сплоченности. Многих основателей Пихтинска еще до переселения связывали отношения родства и соседства, а также объединяли институциональные связи и общие практики, сложившиеся на прежней родине. Можно сказать, что Пихтинский участок лишь обозначил территориальные границы новой – сибирской, колонии голендров, которая вобрала в себя нейдорфских, нейбровских, забужских представителей этой социокультурной группы.

Иная ситуация была у поселенцев Трубачеевского участка. Хотя они и приехали из близких в территориальном отношении регионов Польши, но до переселения жили в разных деревнях, не имея друг с другом (за редким исключением) контактов и связей. Формирование этой группы начало происходить только в новых условиях проживания на переселенческом участке. Однако в ситуации с вершининскими поляками присутствовал важный фактор внутригрупповой консолидации, которого не было в случае с пихтинскими голендрами. Это - чуждое социальное окружение в лице старожильческого бурятского населения, землепользование которого было нарушено самим фактом образования Трубачеевского участка. Различия внутри группы приехавших поляков отходили на второй план перед резким отличием от местных бурят и натянутыми отношениями с ними, которые складывались сразу после приезда. Вершининцам пришлось более активно выстраивать отношения с окружающим микросоциумом, чем пихтинцам, которые оказались в непосредственном соседстве с такими же, как они сами, переселенцами.

---

[41] Вибе П.П. Влияние германофобских настроений на переселенческую политику в Сибири на рубеже XIX – XX вв. // Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири. Рубежи XIX-XX и XX-XXI веков / науч. ред. В.И.Дятлов. Иркутск: Оттиск, 2010. С. 86-91

Как основатели Вершины, так и жители пихтинских деревень, до переселения в Сибирь входили в более широкие, чем собственно переселенческие группы, этнорегиональные сообщества, описываемые как привисленские поляки и бужские голендры. Однако у вершининцев наряду с региональной идентичностью существовало представление о принадлежности к более широкому этническому сообществу поляков вообще. В случае же с пихтинцами четкая этническая идентификация отсутствовала.

Для представителей власти и «вершининские поляки», и «пихтинские голендры» были частью единого переселенческого потока, различаемые, прежде всего, по месту выхода и месту поселения, а также по степени полезности для заселяемой территории. Статус переселенца являлся определяющим для их восприятия этих людей. Можно предположить, что для проживавших по соседству старожилов этот момент также стоял на первом месте. Все переселенцы, в первую очередь, были для них «пришлыми», «новоселами». Другие групповые характеристики по своей важности стояли на втором месте.

В случае с жителями Вершины такими дифференцирующими групповыми признаками «второго порядка» стали этническая и конфессиональная принадлежность. Прилагаемые к ним характеристики «поляки» и «католики» не раз встречаются в отчетах о переселении, в служебной переписке, а также в документах, исходящих от самих членов группы.

Лютеранское вероисповедание жителей Пихтинска также входило в разряд специфических групповых отличий. Что же касается этнической составляющей их групповой идентичности, то имеющиеся в нашем распоряжении материалы не дают оснований для определенных выводов. Складывается впечатление, что на тот момент времени ни для внешнего наблюдателя (будь то чиновник, житель соседней старожильческой деревни или поселенец соседнего переселенческого участка), ни для самих членов группы этническая принадлежность не входила в число наиболее важных групповых характеристик. По крайней мере, нет никаких свидетельств о возникновении ситуаций, которые бы актуализировали их этничность. Тем не менее, спустя три десятилетия после переселения именно этническая идентификация начинает определять судьбу как всей группы в целом, так и отдельных входящих в нее людей.

Этнизация социального пространства и ее последствия для рассматриваемых сообществ

Этнический параметр выдвигается на первый план в официальной категоризации населения вскоре после установления советской власти. Впрочем, утверждать, что

«национальность» - это изобретение большевиков, было бы не совсем верно. В паспортах и метриках эта графа, действительно, появляется лишь в советский период, но в документах полицейского и воинского учета, как отмечает А.К. Байбурин[42], а также в служебных аттестатах и врачебных карточках «национальность» фиксируется уже в начале XX века. Тем не менее, говорить об этничности как о базовом идентификационном принципе на тот момент времени рано, поскольку «указание на национальную принадлежность пока еще не отменяло, а лишь дополняло сведения о вероисповедании и сословной принадлежности». Но вот после революции 1917 года “национальность” и “социальное происхождение” заменяют собой прежние конфессиональные и сословные принципы официальной классификации населения[43].

Изменяется и сам принцип определения этнической принадлежности. На рубеже XIX-XX веков, как это можно видеть на примере материалов первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., «этнографический состав» населения определялся преимущественно на основании «родного языка»[44]. Существовала также четкая корреляция между этничностью и вероисповеданием. В начале 1920-х годов в ходе подготовки первой Всесоюзной переписи была разработана сложная двухступенчатая процедура учета этнической (национальной) принадлежности. Она включала фиксацию ответов на вопросы переписи о языке, вероисповедании, самоназвании, а затем последующую их перекодировку и сведение к заранее заданному перечню[45].

Разработкой списков народностей было поручено заниматься Комиссии по изучению племенного состава населения России (КИПС). Первый вариант, предложенный КИПС Центральному статистическому управлению, состоял из 155 пунктов. Затем он был расширен до 190 наименований «основных народностей» и около 400 наименований «прочих народностей»[46]. В дальнейшем перечни продолжали корректироваться: менялось общее количество наименований национальностей; одни из них переносились из дополнительного списка в главный, другие, наоборот, определялись как менее важные. В основе таких корректировок лежали вовсе не требования научной классификации, а государственные интересы, находившиеся в тесной связи с проводимым национально-

---

[42] Байбурин А.К. К антропологии документа: паспортная «личность» в России // Антропология социальных перемен: сборник ст. / отв. ред. Э. Гучинова, Г. Комарова. М.: РОССПЭН, 2011. С. 533-555

[43] Байбурин А.К. Указ. соч. С. 547-548

[44] Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Издание Центрального Статистического комитета МВД под ред. Н.А. Тройницкого. Т.VIII. Волынская губерния. СПб., 1904. С. VII, XI.

[45] Соколовский С.В. Этническая идентичность в советских переписях населения / Доклад на науч. конференции «Демографическая модернизация, частная жизнь и идентичность в России», Ин-т народнохозяйственного прогнозирования РАН, Москва, 2002. Режим доступа: http://old.iea.ras.ru/topic/census/doc/sokol_paper2002-1.htm

[46] Кадио Ж. Как упорядочивали разнообразие: списки и классификации национальностей в Российской империи и в Советском Союзе (1897-1939 гг.) // Ab Imperio. 2002. № 4. С. 192

территориальным делением страны. Сверка полученных ответов с заранее разработанным списком национальностей, определяемым государственными интересами, стала принципиальным отличием переписи 1926 г. от первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года. «Национальные классификации из умозрительных конструкций, которые время от времени – локально и ведомственно – использовались властью, превратились в один из основных инструментов управления новым государством». Кроме того, переписи доносили утвержденные классификации до каждого отдельного члена общества, тем самым делая их фактом реального самосознания людей[47].

К концу 1930-х годов национальные категории понимались государственной властью как неизменные, врожденные, объективно и документально фиксируемые характеристики и нередко становились основанием для проведения репрессивных мер против людей, включенных в ту или иную этническую группу. Этот подход ощутили на себе и члены рассматриваемых переселенческих групп – сначала вершининцы, чуть позже пихтинцы.

В ноябре 1937 г. в Вершине по приказу Управления НКВД Иркутской области были арестованы 30 человек. Им было предъявлено обвинение в контрреволюционной деятельности, проводимой в рамках польской контрреволюционной организации диверсионно-повстанческого характера[48]. Все арестованные были осуждены по 58-й статье Уголовного Кодекса РСФСР и расстреляны в феврале-марте 1938 г. (один из осужденных умер до казни в тюремной больнице).

В это время в стране проходила первая массовая этническая чистка – так называемая «польская операция» НКВД. Она стала моделью для осуществления всех последующих массовых национальных операций: немецкой, харбино-японской, латышской, греческой и др[49]. «Польская операция» началась с Приказа НКВД СССР № 00485, утвержденного Политбюро ЦК ВКП(б) 9 августа 1937 г. и разосланного во все местные органы НКВД вместе с закрытым письмом «О фашистско-повстанческой, шпионской, диверсионной, пораженческой и террористической деятельности польской разведки в СССР». В ходе операции с 25 августа 1937 г. по 15 ноября 1938 г. было осуждено почти 140 тысяч человек, в том числе 86 человек были осуждены НКВД Бурят-Монгольской АССР[50]. Вполне вероятно, что в это число входят и 30 вершининских

---

[47] Абашин С.Н. Национализмы в Средней Азии: в поисках идентичности. СПб.: Алетейя. 2007. С. 170-172

[48] Шостак Я. Эпитафия жителям польской деревни Вершина в Иркутской области, погибшим в результате репрессий НКВД в 1938 г. // Сибирско-польская история и современность: актуальные вопросы. Сборник материалов межд. науч. конференции / Ред. Б.С.Шостакович и др. Иркутск, 2001. С.142-149.

[49] История и этнография немцев в Сибири / сост. и науч. редактор П. П. Вибе. Омск: изд-во ОГИК музея, 2009. С. 347

[50] Петров Н.В., Рогинский А.Б. «Польская операция» НКВД 1937–1938 гг. // http://www.memo.ru/HISTORY/Polacy/00485ART.htm

жителей, осужденных как «диверсанты-контрреволюционеры» в силу своей этнической принадлежности.

Вскоре после этого началась широкомасштабная «немецкая операция» НКВД, в ходе которой в 1937-38 гг. были арестованы тысячи жителей сибирских немецких деревень[51]. Но на жителях Пихтинска эти события никак не сказались, что косвенно свидетельствует о том, что в это время их еще не приписывали к «лицам немецкой национальности».

С началом Великой Отечественной войны мобилизованные из Пихтинска молодые люди вместе с другими военнослужащими оказались в действующей армии, однако осенью 1941 г. их отправили в тыл на строительные и лесозаготовительные работы. Процитирую один из записанных рассказов об этом. «*Меня еще до войны отправили для подготовки на стрельбище, наша дивизия готовилась стрелять. Прибыл и до осени был. Тут война началась. Осенью 41-го года как раз 7 ноября доехали до вокзала Новосибирска. В военном билете мне записали: мобилизован – демобилизован. Я спросил: "Почему уволили?". Ответили: "Немец"»* (м, 1919, ПФ2-1994).

Историк А.Ф.Смирнов нашел документальное подтверждение, что эти действия основывались на приказе №35105 от 8 сентября 1941 г., в котором говорилось: «Изъять из частей, академий, военно-учебных заведений и учреждений Красной армии, как на фронте, так и в тылу, военнослужащих рядового и начального состава немецкой национальности и послать их во внутренние округа в строительные части»[52]. Этот факт, вкупе с последующей массовой мобилизацией в трудовую армию жителей Пихтинска, говорит о том, что к этому моменту государство уже воспринимало их как немцев.

Вероятно, главным основанием для такой идентификации стали фамилии пихтинских жителей. В разъяснении к циркуляру НКВД №65 от 2 апреля 1938 г. говорилось, что национальность должна записываться не со слов регистрирующегося, а на основании национальности родителей. При этом подчеркивалось, что «в случаях несоответствия указанной национальности родному языку или фамилии, как например: фамилия регистрирующегося Попандуполо, Мюллер, а называет себя русским, белорусом и т.д. и если во время записи не удается установить действительную национальность регистрирующегося, - графа национальность не заполняется до предоставления документальных свидетельств о принадлежности регистрирующегося к той или иной национальности»[53]. По аналогии с этим примером вряд ли жители Пихтинска по фамилии

[51] История и этнография немцев в Сибири … С. 346-349
[52] Смирнов А. Годы унижений // Земля Иркутская. 1997. №7. С.53
[53] Цит. по Кадио Ж. Как упорядочивали разнообразие: списки и классификации национальностей в Российской империи и в Советском Союзе (1897-1939 гг.) // Ab Imperio. 2002. № 4. С. 203-204.

Кунц, Гильдебрант, Зелент, Людвиг могли претендовать на то, чтобы быть записанными русскими или украинцами. Вопрос их официальной категоризации требовал уточнения. В Пихтинске до сих пор можно услышать рассказы о том, как перед войной в деревне появились сотрудники НКВД, которые подслушивали, на каком языке общаются между собой местные жители. Тот факт, что они не услышали немецких слов, по мнению информантов, спас пихтинцев от тотальной эвакуации или арестов. Тем не менее, почти половина трудоспособного населения Пихтинска оказалась в 1941-42 гг. в трудовой армии фактически на положении заключенных. Среди них были не только взрослые мужчины, но и женщины, а также 15-летние подростки. Многие из них погибли в трудармии от голода и болезней. Выжившие вернулись домой только в 1950-52 гг. Отношение к пихтинцам как к немцам, (а к немцам – как к врагам, «фашистам»), сохранялось еще спустя много лет после войны. *«Стыдно было быть немкой, страшно. Каждый раз испытывала страх и смущение и хотела переменить национальность»* (ж, прим.1950, ПФ2-1997).

Можно сказать, что война, а вслед за ней трудовая армия, стали ключевым моментом для формирования групповой идентичности пихтинских поселенцев, для актуализации ее этнической составляющей. Этничность вышла на первый план, потому что сложившиеся обстоятельства вынудили людей размышлять над этим, ведь именно происхождение («настоящее» или нет – уже не важно) стало причиной враждебного к ним отношения со стороны властей и окружающего сообщества. Приписывание «немецкой национальности» поставило пихтинцев в положение изгоев, стигматизировало группу. На фоне этого травмирующего опыта при отсутствии явных оснований для немецкой самоидентификации пихтинцы стали все более и более подчеркивать ошибочность такого внешнего определения. Противостояние навязываемой извне этнической идентификации становилось значимой чертой их групповой идентичности, определило ее специфику, которую можно обозначить как «протестная» этническая самоидентификация.

* * *

Возвращаясь к поставленному в начале статьи вопросу – всегда ли этническая рамка определяла восприятие и репрезентацию мигрантов, можно с уверенностью сказать, что относительно «столыпинских» переселенцев это было не так. Анализ имеющихся материалов показывает, что по прибытии в Сибирь этническая принадлежность не входила в число наиболее важных групповых характеристик (особенно в случае с пихтинцами). Она не определяла ни способ внешней категоризации переселенческих групп, ни их внутреннюю самоидентификацию. Однако этничность выходит на первый план в советское время в силу «запроса извне», во многом из-за того, что именно государство

начинает классифицировать людей преимущественно в этнических категориях. Можно сказать, что этнический дискурс во многом был навязан бывшим переселенцам, которые включились в него в поисках ответа на вопросы, ставившиеся перед ними извне. Независимо от того, совпадала внешняя категоризация с внутренней (как это было в случае с вершининскими поляками) или же не совпадала (как в случае с пихтинцами), этнический дискурс в любом случае стал превалировать и определять восприятие и репрезентацию этих локальных сообществ.